

*Нет! я ни о чем не жалею...
За все заплатила, все уничтожила, забыла.
Меня не волнует мое прошлое!*

Мишель Вокер

ПРЕДИСЛОВИЕ

Биографии многих известных людей овеяны мифами и легендами. Жизнь Коко Шанель не является исключением — по крайней мере первая ее половина. Сейчас, в XXI веке, кажется, что Шанель всегда существовала только как бренд, как имя, за которым стоят лишь флаконы с духами, туфли, платья, жакеты и стеганные сумочки. Истинное лицо законодательницы мод, знаменитого модельера, женщины, чье имя навсегда останется вписано в историю парфюмерии, едва проглядывает через весь этот ворох «пуха и перьев».

Двадцатый век — бурный, мятежный, революционный и воинственный. С самого своего начала и до конца он заставлял людей трепетать в ожидании новых поворотов судьбы. Несколько ключевых событий: Первая мировая война, свержение царя и революция в России, Великая депрессия, Вторая мировая война, суровые послевоенные годы и потепление... Казалось бы, события, далекие от мира моды. Но когда происходит смена парадигм, меняются устои, изменения затрагивают все сферы деятельности человека. Разве можно было в такие периоды оставить моду в покое, не менять фасоны, не укорачивать длину платья, не зауживать и снова не расширять плечи? Нет, конечно. В связи с этим появилась целая плеяда модельеров нового поколения. Они вытесняли тех, кто работал до них, круша и ломая правила, принятые прежде. Среди революционеров моды в первых рядах — Шанель. Да, ей приписываются нововведения, внедрявшиеся до нее или не только и не столько ею. Однако в истории моды, как мы увидим, для большинства остались только ее имя, ее заслуги. Остальные забыты.

Более того, Шанель не просто на слуху. Она умудрилась именно в периоды полной нестабильности создать себе репутацию, раскрутить свой бутик. Мы увидим, что

игнорирование происходившего за окном, оборачивание ситуации на пользу своему бизнесу принесли Шанель баснословные дивиденды. Вокруг война, но всегда найдутся люди, у которых есть деньги и которые захотят даже в такое время хорошо одеваться. Революция в России? Что она могла принести француженке Шанель? Но она принесла знакомства с русскими эмигрантами. Великий князь Дмитрий Романов — духи «Шанель № 5», великая княгиня Мария Павловна Романова — знаменитые вышивки. И это только вершина айсберга. А Великая депрессия принесла контракты с Голливудом.

Не все могли похвастаться подобными успехами. Это во время Второй мировой Шанель оказалась в одной лодке с весьма представительной частью французской интеллигенции, которая не брезговала сотрудничать с врагом — «коллаборационировать». Тогда процент от продаж духов Шанель поступал на ее швейцарский счет, так что, несмотря на бездействие ее Дома моды, капиталы не переставали увеличиваться. После войны многим коллаборационистам пришлось отсиживаться в укромных уголках, а некоторых ожидали суровый суд и не менее суровый приговор. Однако буквально через несколько лет наступила пора потепления, и Шанель, как и все, для кого дело не закончилось казнью, получила второй шанс.

Кроме мифов и легенд, нам хорошо известно, что славе и финансовому успеху далеко не всегда сопутствует счастье в личной жизни. Коко Шанель всегда старалась подчеркнуть свою независимость, отрицала очевидное — желание иметь семью, любить и быть любимой. Судьба не была к ней в этом отношении благосклонной, и тень одиночества с каждым годом все сильнее накрывала ее жизнь.

За шелками и склянками проявляется образ реальной Шанель, великой и таинственной, не опускавшей рук, сильной женщины, страдавшей и любившей. Отгадаем ли мы ее тайну, загадку одного из самых крупных успешных предприятий XX века? Как обычно, в поисках истины сначала стоит отправиться в детство главной героини книги, узнать историю ее рода. А потом мы будем двигаться от первого бутика к созданию первых духов, от коллекции к коллекции, от шляпок к платьям. Но как говорила сама великая Мадмуазель: надо разглядывать женщину, а не ее платье. Платье должно лишь привлекать к ней внимание — если разглядывают платье, значит, оно плохо сделано или женщине нечего предъявить окружающим, кроме своей одежды. А Коко Шанель точно есть, что предъявить.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ 1883—1901 ГОДЫ

Глава первая ОТЦЫ И ДЕТИ

В своих воспоминаниях Шанель пыталась изменить прошлое, насколько это было в ее силах. Журналисты и биографы просили ее рассказать правду о семье, детстве и юности. Тяжелая жизнь, лишения, неприглядные детали быта только подстегнули бы интерес публики к статьям и книгам о великой Мадмуазель. Однако спорить с Шанель всегда было бесполезно: она страстно хотела создать собственный миф, который бы заменил ее реальную жизнь. Биографов она боялась и предпочитала выдумывать, сочинять свою историю самостоятельно, без их помощи. Шанель упорно рассказывала об успешном отце, который вел бизнес в Соединенных Штатах, и всячески приукрашивала свое полунищенское существование в детском возрасте. Более того, она скинула себе десять лет, а также поменяла место рождения с одного французского городка на другой. Отец Габриэль родился в Ниме, она сама — в Сомюре, и тем не менее она постоянно невозмутимо заявляла: «Я из Оверни!» Казалось бы, зачем ей это? Скорее всего, чтобы замести следы: приедут журналисты в город, а там никто семьи Шанель не знает, правда о ней не всплывет. О родственниках и друзьях, которые могли бы открыть истину, Габриэль приходилось задумываться часто. Но привирать ей это не мешало. Она родилась в нищете, а потом постоянно пыталась скрыть свое происхождение. Версий Шанель выдавала довольно много. Они зависели от обстоятельств, от того, с кем она беседует. Факты легко видоизменялись без особых мук совести, ведь ей всеми способами надо было скрыть то, что на самом деле пришлось пережить в детстве. Урон имиджу — вот чего не могла допустить Коко Шанель, и в ход шло все подряд, включая «кривые зеркала», в которых прошлое смотрелось, на ее взгляд, не так неприглядно.

Мы будем руководствоваться официальной информацией, а не фантазиями главной героини. На сайте Дома Шанель зафиксировано: родилась Мадмуазель 19 августа 1883 года в городке под названием Сомюр «в семье скромного достатка». Статистика показывает, что в Сомюре в годы, когда там родилась Шанель, насчитывалось чуть более четырнадцати тысяч жителей. С небольшими колебаниями такое количество наблюдалось с 1793 по 1954 год. К настоящему времени население города удвоилось, но даже сейчас Сомюр нельзя назвать крупным населенным пунктом, хотя он успешно конкурирует с Шампанью в производстве игристых вин и знаменит несколькими примечательными для туристов памятниками, включая традиционный для Франции замок, возвышающийся на берегу Луары. Однако предки Шанель родом были не из Сомюра. Можно даже сказать, что родилась она там по воле случая. Поэтому нам придется оставить на время городок, который Мадмуазель упоминать не любила и всячески старалась забыть о его существовании.

* * *

Первые упоминания о предках Шанель восходят к концу XVIII — началу XIX века. Прадед Габриэль жил в деревне Понтей-э-Брези, в горах. Ранее фамилия этой семьи не упоминалась, так как перепись населения в тех краях начала вестись с 1793 года. Именно тогда в списки занесли Жозефа Шанеля, родившегося 8 июня годом ранее. Происходил он из крестьянской семьи, не владевшей землей. Даже дом, в котором Жозеф жил и работал, он арендовал на скромное приданое, полученное им за Мари Тома. Поженились они, когда жениху исполнилось 29 лет, а до того Жозеф, как и остальные крестьяне в округе, был одновременно поденщиком и ремесленником. На полу он шелушил каштаны в соседском доме, надев тяжелые, деревянные, с зубцами, как у пилы, башмаки, а зимой долгими вечерами мастерил домашнюю утварь и мебель из лесного дерева. После свадьбы Жозеф получил возможность, о которой его родня даже не мечтала — взял в аренду часть крепкого дома, построенного в 1749 году семейством Боше.

Деревушка Понтей-э-Брези существует и по сей день. В 1873 году в ней проживало 437 человек (согласно переписи 2016 года, а ныне всего 358). Два населенных пункта, Понтей и Брези, объединили в 1812 году именно потому, что

населения в них осталось слишком мало, чтобы существовать по отдельности. Понтей-э-Брези отличали и отличают прекрасные виды на окрестные горы, покрытые густыми лесами. Жизнь там течет размеренно, привлекая немногих туристов, любителей мест, не испорченных цивилизацией. В конце XVIII века для жителей деревни развлечений существовало еще меньше, чем сейчас — единственным кабачком на всю округу было заведение Жозефа Шанеля. В настоящее время Понтей-э-Брези гордится родством со знаменитой Коко, которая отрешивалась от своего прошлого, что было сил. Впрочем, жителей данный нюанс не смутил. Один из сельских домов они называли «Шанель» в честь своей соотечественницы. Кто знает, может, когда-то именно там и держал кабачок ее прадед: по крайней мере так гласит местная легенда. После того как в мир иной отошел старший сын Жозефа, никто уже не открывал кабачок для местных жителей. Да и сам дом после смерти Жозефа опустел, ворота в овчарню обвалились, шиферная крыша, которую столько раз заваливало снегом, прогнулась и вот-вот грозила рухнуть, ставни хлопали на ветру.

Чем же занимались немногочисленные жители Понтей-э-Брези, вечерами приходившие к Жозефу пропустить по стакану местного вина? Нынче основную работу жителей предоставляет больница (около ста человек, благодаря ей, имеют стабильный доход). Больница, расположенная в горах, с 1927 года предоставляет санаторно-курортное лечение. И поныне она принимает больных и пожилых людей на постоянное пребывание в большом здании среди великолепных пейзажей. К сожалению, Жозеф Шанель и его соседи не имели возможности получить хорошую работу, а соответственно и приличный заработок. На жизнь большинство местных жителей зарабатывали главным образом сбором каштанов, которые по осени продавали на ярмарке, что неудивительно — ведь они в огромном количестве росли по всей окрестности. Хотя большой прибыли данное занятие не приносило, и довольствоваться людям приходилось малым, каштаны для них долгое время являлись аналогом манны небесной: ими питались с утра до вечера, ими торговали, на них, фактически, жили, потому что они являлись и едой, и средством заработка. Обычно еду для всей семьи готовили в большом глиняном горшке, который висел в очаге. На решетке сушились фрукты, которыми зимой кормили скот. Каштанами расплачивались с наемными работниками, с арендодателями, которые при-

езжали из города, когда заканчивался срок аренды, и они никогда не забывали явиться за причитавшейся оплатой.

Прадед Шанель, не имея других помощников на кухне кроме собственной жены, кормил в своем кабачке тем, что они с ней готовили. Помимо вина, в те времена на столы ставили водку, крепость которой вызывала довольные восклицания посетителей. Хозяева сами пекли огромные буханки хлеба в печи, находившейся в том же помещении, где ели гости; потчевали чесночной колбасой и маслом собственного изготовления. И сколько бы Габриэль много позже ни отрицала свое крестьянское происхождение, безумное трудолюбие и практическую хватку она явно унаследовала от своих предков, не знавших ни достатка, ни сытой жизни, но умевших работать с утра до поздней ночи.

От прадеда Мадмуазель унаследовала еще и свой логотип: знаменитые переплетенные два С. История этого знака весьма прозаична. Жозеф Шанель мебель в доме и кабачке, которые фактически являлись одним и тем же помещением, делал своими руками (другой возможности для него и не существовало). Конечно, обстановка была неказистой: дети спали на соломенных тюфяках, а вещи Мари Шанель хранила в сундуке. Так как Жозеф умел изготавливать неказистую мебель, он своими руками сделал сундук, где обычно крестьяне хранили белье и одежду. Он сам смастерил длинные столы и стулья для завсегдатаев своего кабачка. Доморощенные изготовители мебели, несмотря на всю примитивность получавшегося изделия, обычно ставили на него клеймо в подтверждение своего авторства. Видимо, инициалы JC (*Joseph Chanel*) католику ставить не подобало, так как они совпадали с инициалами Иисуса Христа, поэтому Жозеф решил ставить двойное С, что означало его и жену. Знают ли богатые модницы, поклонницы бренда «Шанель», откуда, с каких в прямом смысле гор спустился к ним знаменитый логотип? Сама Шанель всю жизнь придумывала легенду происхождения, хоть немного более приемлемого для высшего света, и никогда не произносила название деревушки Понтей-э-Брези. В самой деревушке Шанелей помнят, хотя на местном кладбище нет ни одной могилы представителей этого семейства. От них не осталось ничего, кроме фамилии, начертанной на доме, в котором якобы и находился кабачок Жозефа.

До «каштанового» кризиса кабачок Жозефа процветал, если такое слово применимо к его заведению. Вот как описывает его обстановку один из биографов: «За столом

собирались страждущие фермеры, сезонники, которых нанимали для помощи в сборе урожая, корзинщики, искавшие заказов, торговцы-разносчики, которые приходили из города, чтобы сбыть свой хлам, а кроме того, все те, кого зимой и летом удерживала в Понтее необходимость ухаживать за землей, — многочисленная семейная рабочая сила, юноши, мужчины всех возрастов, лесорубы, пастухи, шелководы. Прижавшись к очагу, подрагивая и слегка раздвинув ноги, сидели вечные старики с узловатыми руками»*.

У Жозефа и Мари родилось пятеро детей. Старшего по традиции называли в честь отца — Жозеф (1830 года рождения). Второй сын, Полин Анри Адриен (1832), впоследствии стал дедушкой Габриэль. Далее родились Жан Бенжамен (1835), Эрнест (1837) и Жозефина (1841). Дата смерти известна только у деда Шанель, да и то примерно — 1913 год. Почему же Полину Анри Адриену и его младшим братьям пришлось покинуть маленькую деревушку и пуститься в далекий путь прочь от родного дома? Сначала они об этом и не помышляли. Старший сын готовился унаследовать отцовский кабачок, а его братьям оставалось только заниматься крестьянским трудом. Однако планы пришлось изменить в одночасье. В пятидесятые годы XIX столетия в Севенны пришла беда: те самые каштаны, на которых основывалась вся местная экономика, поразила неизвестная доселе болезнь, иссушавшая стволы и листья каштановых деревьев. Крестьяне надеялись, что напасть пройдет сама собой. Они устраивали крестные ходы, призывали на помощь святых, но высшие силы никак не отвечали на их просьбы — ситуация оставалась прежней.

В то время по всей Франции прокатилась волна жестокого экономического кризиса. Одновременно с проблемами в экономике страны произошла катастрофа сродни «каштановой»: из Нового Света был завезен вредитель, мушка филлоксера, поразивший французские виноградники. Он уничтожил около 40 процентов всех виноградников страны, нанеся огромный урон виноделам. В Понтее пытались вызвать специалиста аж из самого Парижа, но в такой ситуации разве до глухой деревушки столичным мудрецам? Никто не приехал спасать каштаны. В кабачке Жозефа посетители стали редкостью, а если и приходили, то вели одни и те же печальные разговоры о сглазе, ведьмах и прочей нечистой силе. Женщины шептались, обсуждая различные

* Гидель А. Коко Шанель. М., 2006. С. 25.

способы противостоять напасти: чем обмотать болеющие деревья, что к ним прибить; подойдет ли лапа зайца или лучше взять другое животное; какие древние заговоры использовались их предками. Но ничего не помогало: деревья так и не оправались от затянувшейся болезни.

В такое время двадцатидвухлетнему Полину Анри Адриену пришлось туго. Вместе с братьями он ушел из родной деревни в поисках лучшей доли. Далеко идти они опасались. Никогда не видев большого города, не удаляясь от Понтея дальше, чем до ближайшего леса, Полин Анри Адриен постарался найти работу в окрестностях, и это ему удалось, несмотря на все сложности. Он добрался до местечка Сен-Жан-де-Валерискль, расположенного примерно в сорока километрах от Понтей-э-Брези. Расстояние по нынешним меркам смешное, но в те времена про Анри говорили, что он «приехал издалека». Население Сен-Жан-де-Валерискля тогда составляло полторы тысячи человек (в наше время почти в два раза меньше). Там в 1854 году его нанял господин Фурнье, державший питомник шелковичных червей — надо отметить, что именно в северном регионе питомников такого рода насчитывалось приличное количество. Сен-Жан-де-Валерискль славился тремя основными видами деятельности: культивированием лука, добычей каменного угля и разведением шелкопряда.

Гены Анри Адриена перешли к его сыну, а потом и к знаменитой внучке: Шанели отличались влюбчивостью. И если последствия, которые влекла за собой эта черта характера, для Габриэль были двоякими, то для деда и отца они однозначно представляли большую проблему. Казалось бы, сначала все у Анри Адриена пошло хорошо: Фурнье относились к нему с долей уважения, которого достоин любой трудолюбивый и умелый работник; дело, порученное ему, ладилось и не вызывало негативных эмоций. Но у четы Фурнье была единственная дочь по имени Эмилия Вирджиния Анжелина (год рождения 1838-й, дата смерти — примерно 1912-й). Долго оставаться равнодушным к чарам юной прелестницы Анри не смог: не прошло и года, как он соблазнил шестнадцатилетнюю девушку. И хотя она не забеременела, ее репутация была подорвана — в ее деревушке после громкого скандала она никогда бы не нашла себе мужа. Поэтому Фурнье оставалось только заставить Анри Адриена жениться. И был бы жених иного статуса, с соблазнением можно было бы смириться, а так — ни достойного положения в обществе, ни денег, ни имущества. Все, что

имел Анри, спокойно помешалось в заплечной котомке. Как принято в подобных ситуациях, молодых спешно обвенчали в деревне по соседству. Правда, свидетелями были уважаемые люди, владевшие грамотой, — мэр и местный учитель. На церемонию прибыли и родители Анри. Ни жених, ни невеста писать не умели, поэтому их подписей на документах не осталось.

Сбагрив беспутную дочь с рук, чета Фурнье решила, что дело сделано, и перестала с ней общаться: в конце концов, дочь не была наследницей предприятия отца и вышла замуж за бедняка, несмотря на куда более благоприятные перспективы. Теперь обеспечивать юную жену предстояло Анри Адриену. Молодой семье пришлось сняться с насиженного места: Фурнье более не хотели держать на работе Анри и тем более не желали содержать свою дочь, ставшую его женой. Несмотря на все страхи, молодым оставалось пуститься на поиски лучшей доли в большой город. Анри надеялся там встретить свою родню или знакомых из Понтея, которые помогли бы ему устроиться и найти работу.

Городом, в который направили свои стопы молодежь, стал Ним — богатый древними памятниками, но отнюдь не преуспевающий. Крестьянину найти там работу было задачей нелегкой. Однако родственники и друзья, действительно, пришли на выручку. Анри и Анжелина поселились возле городского рынка, где новоиспеченный муж встал за прилавок. Но работа не доставляла ему никакого удовольствия, а главное, торговля не пошла с самого начала. Умение работать на земле, все крестьянские навыки здесь оказались ни к чему. Анри Адриен решил пойти иным путем и торговать на ярмарках, переезжая на телеге с товаром с места на место. Позже его сын, отец Габриэль, продолжит этот незатейливый бизнес. Им была присуща охота к перемене мест, общаться с крестьянами они умели, оттого торговля на ярмарках шла хоть и с переменным успехом, но довольно стабильно, давая возможность зарабатывать на жизнь.

Надо сказать, характер деда великой Мадмуазель не портили невзгоды. Он принимал все как должное, не пытаясь спорить с судьбой. Новый род деятельности в итоге пришелся ему по душе: он любил поболтать с крестьянами, заодно расхваливая им свой неказистый товар, ему не приходилось проводить время возле жены и детей — жизнь Анри шла вдали от семьи, которую он изредка навещал в перерывах между ярмарками. Конечно, путешествовать по городам

и всяям, в любую погоду, на повозке, забитой барахлом — невеликое удовольствие. Но каждому свое: и дед, и отец Шанель нашли в этом своеобразное призвание.

Долгие периоды отсутствия дома не помешали Анри Адриену обзавестись весьма обширным потомством: у него родилось ни много ни мало 19 детей. Крошка Адриенна родилась последней в 1882 году, всего за год до рождения своей племянницы Габриэль. А вот первым у Анри и Анжелины родился как раз отец Габриэль, Анри Альбер Шанель, который пойдет по стопам отца. Анжелина, которой тогда только исполнилось 19 лет, в одиночестве побрела в родильный приют в Ниме, так как муж в это время торговал на ярмарке, боясь, что не успеет сбыть товар. Никто из родственников не посчитал нужным сопроводить роженицу — своих дел полно, куда еще помогать чужой жене, сама справится, как справлялись другие женщины до нее. Матери Габриэль придется рожать в сходных условиях: самой добираясь до родильного покоя, в отсутствие мужа и других близких.

По большому счету подобное положение дел можно считать даже достижением того времени: ведь первые родильные дома появились в Европе только в начале XVIII века. Представительницы высшего общества по-прежнему рожали дома, но для бедноты появление бесплатных общественных больниц явилось настоящим спасением. Правда, спасение было весьма условным: правила гигиены там не соблюдались (например, медицинские инструменты мыли после, а не до родов, а руки врачи могли просто протереть платком), процент смертности среди матерей и младенцев оставался крайне высоким. Но, по крайней мере, роженице было куда пойти, если дома ей никто не мог оказать помощь. При этом люди состоятельные предпочитали по старинке пользоваться услугами приходящих на дом повитух; рожать в общественной клинике или приюте считалось признаком вопиющей бедности и безысходности. Фактически, чуть не все младенцы в семье Шанелей рождались в похожих условиях. Семья селилась поближе к рынку или месту проведения ярмарок в беднейших кварталах. Если глава семейства оказывался в отъезде (а это было почти всегда), роженица шла в общественную клинику одна, и никому не было до нее дела.

Да и после родов основной задачей матери и детей оставалось выживание. Дети Анри Адриена сызмальства помогали семье заработать на пропитание. Фактически, дети

в бедных семьях становились неким капиталом, который следовало «тратить» умело и с максимальной выгодой. Чем же могли помочь родителям малые дети? Во-первых, родители сдавали их внаем тем крестьянам, которые имели возможность нанять в горячую пору дополнительную рабочую силу. Вокруг Нима на многие километры растянулся сельскохозяйственный район: тот же сбор винограда требовал дополнительных рук, и дети прекрасно справлялись с этой работой. Им не приходило в голову думать о развлечениях или образовании — не до того. Во-вторых, многочисленные отпрыски помогали собственному отцу. Они грузили товар на телегу, переносили его до ярмарки. А ведь мешки с товаром весили прилично. Но и тут не было места жалобам и слезам: так проходило детство отца, братьев и сестер, соседей. Иного примера ребята попросту не видели. Дед Коко Шанель покинул Ним с женой и ребенком, едва прожив там год. И потом, из года в год, из зимы в лето — такова была работа, никуда не денешься — менял города и дома.

Второй ребенок родился уже в Гаре, в 1863 году. Это была Луиза, будущая тетушка Габриэль, к которой та ездила после смерти матери на каникулы из приюта в Обазине. Луиза и Альбер долгие годы оставались дружны. При своем кочевом образе жизни Альбер даже умудрился приехать к сестре на свадьбу. Устроилась Луиза отлично, считали родители — в мужа ей достался железнодорожный служащий со стабильным жалованьем, а что, по их мнению, могло быть лучше?

Как мы уже упомянули, старший сын Анри Адриена пошел по стопам отца. «Отслужив положенный срок в армии, Альбер еще несколько лет жил бок о бок с родителями, осваивая ремесло торговца вразнос. Словоохотливый парень всегда привлекал публику своим красноречием, и потому дела у него неизменно шли на лад. И вот в один прекрасный день он решил оставить дом и посвятить себя бродячей жизни. От отца Габриэль унаследовала коммерческую жилку. Конечно, его бизнес не шел ни в какое сравнение с будущей модной империей Шанель, и успех далеко не всегда ему сопутствовал, но Альбер явно превзошел Анри Адриена. Он расширил ассортимент товаров, а также решил на более дальние поездки — так с каждым поколением Шанели все дальше удалялись от земли своих предков.

До поры до времени, не связанный узами брака, Альбер путешествовал из города в город, останавливаясь там, где пожелает его душа, и на столько, на сколько велят разум

и коммерческий расчет. В дела его постоянно вмешивалась унаследованная от отца влюбчивость. В городах Альберу не составляло труда соблазнять девушек и исчезать, не чувствуя за собой никакой вины. По рассказам он выглядел весьма привлекательно: высокий, красивый мужчина, да еще и с хорошо подвешенным языком. Габриэль в своих воспоминаниях сильно приукрашивала его внешность, называя отца чуть ли не писанным красавцем, но, судя по всему, он и в самом деле нравился представительницам женского пола. У него всегда были припасены истории о его поездках, которые он всячески приукрашивал, чтобы придать путешествиям романтики и добавить опасных приключений, столь милых сердцу любой женщины.

Жениться Альберу пришлось в 1884 году. Однако история его отношений с матерью Габриэль началась задолго до этой даты. В конце 1881 года он приехал со своим товаром в Курпьер, решив на зиму остаться в этом городе, славном торговыми традициями и богатым на различные товары. Еще с XVII века, когда король Генрих IV дал Курпьеру грамоты, разрешающие проведение четырех ярмарок в год и одного еженедельного рынка, торговля там шла самая оживленная. Более того, развитие дорог в регионе привело к тому, что Курпьер оказался на пересечении сразу нескольких торговых путей, и это сразу подняло престиж проводимых в нем ярмарок. Курпьер — и старинная столица французской клубники, и производство деревянных сабо, и керамические изделия, и пряжа. Население его составляло в то время около четырех тысяч человек. Короче говоря, этот городок представлял собой настоящий рай для торговца. Поселился Альбер у Марена Деволья, на чьем попечении находилась восемнадцатилетняя сестра Жанна.

История матери великой Мадмуазель исполнена трагизма. Правда, до встречи с будущим мужем она вела спокойную и размеренную жизнь, омраченную лишь ранней смертью родителей. Ее отец Франсуа Деволь работал плотником (это дело унаследовал его сын Марен). Умер он в 1875 году в возрасте пятидесяти лет. Его жена Жильберта (в девичестве Шардон) была портнихой. Замуж она вышла, когда ей исполнилось 23 года. Умерла Жильберта на шесть лет раньше своего мужа, успев родить двоих детей. Таким образом, Жанна потеряла мать, когда ей едва исполнилось шесть лет, а затем и отца. С двенадцати лет девочку воспитывали дядя, занимавшийся выращиванием винограда,

и старший брат, забравший Жанну в город, где она училась ремеслу портнихи и помогала ему по хозяйству.

Альбер, недолго думая, приударил за сиротой. Он не учел два важных момента: что вследствие подобных развлечений у девушки иногда наступает беременность и что, несмотря на раннюю смерть родителей, у Жанны осталось приличное количество родственников, готовых заступиться за ее поруганную честь. Впрочем, сначала Альберу казалось, что удача, как и раньше, на его стороне. Узнав о беременности Жанны, он в первую очередь подумал о самом легком способе избежать проблем, а именно о побеге. Курпьер не был ему родным городом, оседлый образ жизни не привлекал, а угрызения совести не являлись его отличительной чертой. Отцу его бежать из маленькой деревеньки Сен-Жан-де-Валерискль было просто некуда, к тому же Полин Анри в тот момент не отличался большой мобильностью. А вот сын решил, что из более крупного города он сможет спокойно исчезнуть, не привлекая к себе внимания.

На первом этапе план сработал. Летом 1832 года брат Жанны не обнаружил постояльца в его комнате. Марен удивился, но и только. Однако через некоторое время дядя и брат заметили, как изменилась фигура доверенной их попечению родственницы. Жанна плакала, раскаивалась, но исправлять случившееся уже было поздно. И если семейство Шардон со стороны матери отсеклось от согрешившей, то Деволы легко сдаваться не собирались. Конечно, их семью сильно возмутило поведение Альбера. Они поклялись, что это ему просто так с рук не сойдет — обидчика найдут во что бы то ни стало. Поисками занялись все родственники; на помощь пришел даже мэр городка Виктор Шамерла, чувствовавший, что задета честь не только семьи, но и всего Курпьера. Отыскать Альбера оказалось непросто: он постоянно переезжал с места на место, нигде не задерживаясь надолго, что полностью соответствовало роду его занятий. Большую помощь в поисках оказал еще один Деволь — помощник нотариуса, который сумел перебрать кучу документов и найти необходимые зацепки в тех, где оставлял свою подпись Альбер. Таким образом, через несколько месяцев Деволы сумели узнать, где живут родители Альбера, которые вели более оседлый образ жизни, чем сын.

Анри Андриен и его жена неприятностей на свою голову не хотели. А «посольство» к ним прибыло внушитель-

ное, готовое на любые крутые действия ради Жанны. В те времена главным являлось выдать согрешившую женщину замуж, а там хоть трава не расти. Важно было, чтобы будущий папаша принял на себя обязательства, которые в этом случае возникали, и дело с концом. Шанели выдали им местопребывание сына, и Жанна накануне родов отправилась в путь. Предупредить о грядущей встрече Альбера было некому, а потому в Обене давно им забытая подруга появилась крайне неожиданно. Более того, видимо, из-за волнения и тяжелой дороги роды произошли прямо на следующий после приезда день. Тут уж не скроешься — все вокруг оказались в курсе того, что у весельчака Альбера появилась дочь.

Жюли Берта Шанель родилась в сентябре 1882 года. Старшая сестра Мадмуазель покинет этот мир в молодом возрасте — ей исполнится всего 27 лет. О ее сыне и внуках Габриэль будет заботиться всю жизнь. А пока молодые родители с новорожденной Жюли на руках пустились в путь. Жанна хотела бы остаться в Обене, а еще лучше — вернуться обратно в Курпьер, где оставшаяся родня всегда была бы ей в помощь (пусть чаще моральную, но на чужбине и такого не наблюдалось). Однако Альбер не желал сидеть на месте. Ему не нравился захолустный Обен, где им пошли навстречу и даже без регистрации брака записали ребенка рожденным в законном браке. В намерения Альбера женитьба не входила, а родственники Жанны находились далеко и в подробности ее путешествия не вдавались. На Курпьер выбор Альбера пасть, конечно, не мог — он не спешил оказаться под бдительным оком Деволей. К родителям по той же причине возвращаться тоже не хотелось.

Итак, перст судьбы указал Альберу на Сомюр. Да, тот самый город, от которого потом всю жизнь открещивалась Габриэль Шанель, упорно называя местом своего рождения Оверни. Жанну он брать с собой не хотел, но уже тогда она показала ему свой несгибаемый характер — решила, что обязана следовать за супругом, хотя своих средств у нее не имелось и оплачивать проживание было не на что. Альберу пришлось смириться с решением Жанны, но жалеть и беречь ее он не собирался. Они добрались до Сомюра в начале 1883 года. Тут же выяснилось, что Жанна снова беременна; если бы не ее ранняя смерть, видимо, у Габриэль было бы куда больше братьев и сестер. Как и его отец, Альбер надолго оставлял жену одну, независимо от ее со-

стояния. С одной стороны, ему действительно требовалось кормить семью, а удача, улыбнувшаяся в начале карьеры, начала от него отворачиваться. Торговля шла вяло, и приходилось часто переезжать с ярмарки на ярмарку, дабы продать хоть что-то. С другой стороны, семейные обязанности явно не прельщали Альбера. Быстро увядающая жена, вечно плачущий младенец — нет, такой судьбы он себе не желал. Единственный способ максимально ее избежать заключался в частых побегах из дома.

Габриэль вспоминать мать не любила, постоянно упоминая только отца, согласно ее легенде, успешно торговавшего в Америке. К сожалению, Жанна представляла собой частый для того времени пример женщины из бедной семьи: нехватка денег гнала ее на заработки, а частые беременности изнашивали здоровье. Уже родившихся младенцев приходилось брать с собой на работу, беременность от этого не освобождала, и Жанна ходила к своим работодателям до самых родов. Задания ей обычно давались тяжелые, к тому же работать приходилось в разных частях города. Старинные французские города отличаются неровным рельефом: то надо идти круто в гору, то спускаться вниз по грязному бульвару, неся на руках полуголодного младенца. Жанна гладила, стирала, мыла посуду, убиралась в домах, шила и чинила одежду. Когда одна хозяйка отказывалась от ее услуг, ей приходилось пускаться на поиски другой, обходя дом за домом.

Получала Жанна за свои труды гроши, да и у Альбера дела шли плохо. В Сомюре они жили в крохотной комнатенке, которую снимали рядом с двумя рынками. Сырость, плохое питание, изнурительная работа привели к тому, что Жанна ослабла и еле передвигала ноги. Образ жизни Альбера изменился не так сильно. Он не считал себя обязанным помогать Жанне, которая, по его мнению, должна была лишь радоваться, что живет с отцом своих детей. В общем-то, она и радовалась, только постоянные невзгоды не давали ей насладиться этим в полной мере.

Глава вторая

РОЖДЕНИЕ МАДМУАЗЕЛЬ

Когда родилась Габриэль, отца рядом не было. Ее переживания и умалчивания на протяжении всей жизни сводились именно к этому: Альбер, по суги, предал мать и детей.

Пока Жанна не умерла, подобие семьи поддерживалось, чему способствовало время, проводимое с родственниками со стороны Деволей и Шардонов. После смерти матери мир рухнул. Впоследствии именно это событие стало началом трагедии Габриэль: умерла мать, а после детей бросил отец. Но вернемся в день 19 августа 1883 года.

Жарким летним днем Жанна пришла в родильный покой. Альбер где-то ездил по ярмаркам со своим товаром. Учитывая отсутствие современной связи, неудивительно, что он не знал о рождении второй дочери. Конечно, сроки беременности ему были известны, но не мчаться же во весь опор домой и сидеть в ожидании схваток у изголовья жены! Тем более что лето — самый сезон для ярмарок, и куда правильнее выжать из этого сезона максимум прибыли. В итоге на свет появилась девочка, которую через пару дней окрестили именем Габриэль. Никаких вторых и третьих имен, что выделяло малышку среди ее многочисленных сестер, братьев, кузенов, тетей, дядей и племянников. Наверное, поэтому несколько лет спустя Габриэль все-таки получит свое второе имя. Именно оно сделает ее знаменитой: Габриэль Шанель по прозвищу Коко. Впрочем, в своих воспоминаниях Габриэль пыталась заполнить и эту лауну. Она утверждала, что крестная нарекла ее вторым именем Бонер, что означает «счастье». На самом деле ее крестными стали совершенно незнакомые люди, которым дела не было до ее второго имени — нет так нет, это дело родителей. А в мэрии ребенка опять записали рожденным в законном браке.

Вскоре объявился и отец. Альбер по обыкновению подарил малышам игрушки, купленные на одной из ярмарок, и на некоторое время остался дома. Конечно, сидеть на месте ему не хотелось. Он постоянно размышлял о том, куда бы сняться из Сомюра, который успел надоест Альберу, несмотря на редкое в нем появление. Он не принимал во внимание нежный возраст малюток и плачевное состояние здоровья своей супруги. К весне следующего года семейство уже отправилось по городам и весям. Они нигде надолго не останавливались. По большому счету Альбер сильно не настаивал на переездах Жанны и детей вместе с ним. Напротив, он хотел, чтобы они оставались в Сомюре, пока не найдется место, где он захочет обосноваться. Однако Жанна слишком хорошо знала характер своего неофициального муженька. Она боялась (и, скорее всего, не без оснований), что он опять сбежит, даже не посмотрев

напоследок в ее сторону. Альбер упорно на ней не женился, а потому никаких методов призвать его к ответу не существовало. Оставалось скитаться по ярмаркам, перевоза с собой малышек и нехитрый скарб.

Лучик удачи забрезжил в одном из городков, где на ярмарке Альбер столкнулся нос к носу с родственниками Жанны. Они как-то примирились и договорились о взаимовыгодных условиях: Альбер все-таки женится на Жанне и они переедут жить в дом дяди новоиспеченной жены. Так в конце весны пара оказалась там, откуда два года назад уехала. Казалось, все тяготы позади: хороший климат, уютный дом и даже скорая свадьба. Но Альбер легко сдаваться не собирался. Несмотря на объявленную свадьбу, он не двигался в сторону мэрии, как упрямый мул. Его тащили туда всем миром, а все бесполезно. Скандал следовал за скандалом, слезы Жанна проливала немалые. Параллельно со скандалами с Альбером велись переговоры. За Жанной посулили огромную по тем временам сумму: пять тысяч франков. Собирали деньги «по сусекам» — родня скидывалась, не скупясь, полная решимости пристроить, наконец, несчастную женщину замуж.

17 ноября 1884 года в мэрии официально зарегистрировали брак между Альбером и Жанной на радость невесте и всем родственникам. Даже родители Альбера прибыли в Курпьер поздравить беспутного сына. У них в начале всех приключений, в 1882 году, родился девятнадцатый ребенок — сестричка Альбера Адриенна. Именно она станет Габриэль лучшей подругой на всю жизнь. На первый взгляд все складывалось как нельзя лучше: Жанна с детьми живет в официальном браке, в хорошем доме, а Альбер имеет после заключения брака кругленькую сумму. Если бы не полное его неумение заключать финансовые сделки, они могли бы жить пусть не припеваючи, но вполне прилично (особенно в сравнении с предыдущими двумя годами). Желание Альбера приумножить капитал, полученный в качестве приданого, привело к полному краху. Он пытался покупать акции, начать собственное дело, но его постоянно обманывали, вложенные деньги не окупали себя, акции оказывались не более чем обычными бумажками. В конце концов буквально через год Альбер снова пустился в путешествие с повозкой, полной товаров для ярмарок. Он переезжал с места на место, не изменяя своей привычке хорошо пить и закусывать, болтать с такими же бродягами, как он, соблазнять женщин. Ничто его не сдерживало, ни-

кто за ним не следил, жизнь вернулась в прежнее русло. Одно изменилось — теперь у Альбера была жена. Приходилось возвращаться к ней и делиться планами. Более того, в Курпьере еще и родственнички Жанны постоянно следили за беспутным зятем. Чтобы поменьше с ними общаться, Альбер все-таки нашел для своего семейства новое место жительства. Переехать он решил в Иссуар, старинный городок с постоянно проводимыми по выходным ярмарками.

Те немногие деньги, которые зарабатывал Альбер, он тратил в основном на себя. Семье пришлось ютиться в совсем уж скромных условиях: и район для нищих, и смрад помоек, и невыносимый запах, который шел от кожевенных цехов, и сырость от реки, цвет которой из-за кожевенного производства стал ржавым. Уже тогда Жанне не следовало переезжать в такое место — у нее появились и астма, из-за которой в свое время умерла ее мать, и первые признаки туберкулеза. Последнее являлось в то время чуть не главной причиной смерти бедняков, и мать Габриэль она не миновала. Но до печального финала оставалось еще несколько мучительных лет. Буквально год спустя после свадьбы у Жанны родился сын, ведь несмотря на частые отлучки Альбер всегда выполнял свой супружеский долг, находясь дома. Адриен Альфонс (так нарекли третьего младенца) появился на свет в марте 1885 года, и можно легко себе представить, насколько тяжело приходилось Жанне во время беременности. Жюли исполнилось три годика, Габриэль — два. На протяжении зимы в Иссуаре стояла отвратительная погода с постоянными дождями, влажностью и промозглыми ветрами. Перестать работать Жанна не могла, поэтому продолжала шить, стирать и убираться, обслуживая и клиентов побогаче, и — по доброте душевной — бедняков-соседей, которые частенько просили ее починить старую одежду.

Еще через два года, 14 июня 1887 года, несчастная Жанна разродилась четвертым ребенком — Антуанеттой. Здоровье ее было окончательно подорвано. Она не только упорно трудилась, дабы внести посильный вклад в бюджет семьи (важно отметить, что у Жанны и детей во время отсутствия Альбера не оставалось никаких средств к существованию), но и часто ездила вместе с мужем по ярмаркам, пытаясь таким образом следить за ним. Жанна становилась все более ревнивой. Видимо, состояние ее здоровья сказалось и на психике: она параноидально следовала за Альбером, несмотря на погоду, наличие очередной беременности или

крошечного младенца. Причин не доверять Альберу у жены хватало, но здравый смысл ей тоже стал отказывать.

Врачи подтверждают: приступы, которыми сопровождаются астма и туберкулез, часто ведут к целому комплексу психологических проблем. Они включают в себя страх перед неконтролируемой болезнью, чувство вины, неполноценности, депрессию. Альбер, конечно, замечал состояние жены. В 1887 году после рождения четвертого ребенка он даже принял решение отправить семью обратно в Курпьер. Казалось бы, такое решение должно было устроить всех, включая Жанну. Альбер сам сбегивал ее и детей под опеку родни, а климат родных мест явно подходил ей больше, чем сырость Иссуара. К тому же финансовое положение семьи пусть незначительно, но улучшалось из-за отсутствия необходимости платить за жилье (планировалось, что семья будет продолжать жить в сельском доме дяди Жанны). И детям на свежем воздухе, в просторном доме, само собой, было раздолье. Никто не ожидал от Жанны, которая безумно ревновала мужа и боялась его потерять, маниакального желания следовать за Альбером в его поездках. Ее не останавливали ни холод, от которого некуда было спрятаться в повозке зимой и куда забирался снег и ветер, ни работа за прилавком на рынке, где ей приходилось помогать мужу, проводя целый день на ногах, не имея ни минуты на нормальный отдых.

Впрочем, возвращение в Курпьер хорошо сказалось на детях. Позже Коко Шанель всегда с теплотой вспоминала то недолгое время, которое она провела у деда. Наконец-то она могла играть, пусть и в самые примитивные игры, не задыхаться в тесной лачужке, не бояться, оставшись одна с маленькими сестрами и братом, в ожидании матери. Впоследствии Мадмуазель иногда говорила близким, что в Курпьере она любила бегать на кладбище: «Ей нравилось удивлять собеседников своими историями, но на сей раз в этом была доля правды. Однажды она призналась, почему любила кладбища, по крайней мере в детстве, — став взрослой, она их ненавидела и категорически отказывалась посещать. Однако семейного склепа не существовало, родственников хоронили там, где они оказывались в момент смерти, так что Коко вовсе не посещала ребенком родные могилы, она играла на кладбищах, потому что была там одна, ей было спокойно вдали от семейных драм, и она могла дать волю воображению. У нее имелись любимые могилы, которые она украшала цветами, закапывала в ногах подар-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru